

ЕВРОСОЮЗ – РОССИЯ: МЕРА СОТРУДНИЧЕСТВА

Н.П. Шмелев,

академик, директор Института Европы Российской академии наук,

В.П. Федоров,

доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института Европы РАН

Нынешний Европейский союз в своём содержательном развитии прошел ряд этапов и носил разные названия – Европейское экономическое сообщество, Общий рынок, Европейские сообщества. Хотя рассуждения о желательном создании единой Европы уходят вглубь истории, воплощение этой идеи в жизнь началось после второй мировой войны. Европа устала от междоусобиц, потрясавших ее на протяжении веков. Европейская политическая мысль активно искала пути предотвращения новых вооруженных столкновений на континенте. Особое внимание уделялось тому, каким образом умиротворить Германию (тогда Западную Германию), главную виновницу двух мировых войн. Предшественница Германии Пруссия также отличалась агрессивным отношением к другим странам.

Предложение французского министра иностранных дел Роберта Шумана от 9 мая 1950 г. легло на подготовленную почву. Обращаясь к европейским столицам, и прежде всего к Бонну, он призвал к экономической интеграции посредством объединения промышленных потенциалов, вследствие чего война между Францией и Германией станет материально невозможной.

Гетерогенный союз

Первым практическим шагом в этом направлении стало создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. сроком на 50 лет. Оно было предусмотрено Парижским соглашением, которое подписали шесть стран – ФРГ, Франция, Италия и страны Бенилюкса.

Дальнейшая организационная подготовка длилась несколько лет, и в 1957 г. были одобрены теми же странами Римские договоры, вступившие в силу с 1958 г.: о создании Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии. Перед этими организациями ставились задачи последовательно демонтировать таможенные барьеры, обеспечить свободу перемещения людей и материальных ресурсов внутри альянса, возможности беспрепятственного предпринимательства там. Одновременно отстраивались, часто с нуля, институциональные и правовые основы объединения.

На первых порах интеграция продвигалась по указанным трем направлениям – ЕЭС, Евроатом, ЕОУС. Со временем произошло слияние этих учреждений в общинтеграционные органы управления, а ЕОУС было официально закрыто в 2002 г.

Поступательный ход интеграции в прошедшие десятилетия – общепризнанный факт. «Прекраснейшая авантюра в истории человечества», по выражению французского депутата Тьерри Мариани, состоялась. Европа экономически и политически объединилась, создано общее пространство, сглажены прежние обиды и споры.

Благодаря интеграции в Европе были устранены войны между ее участниками. Прежняя история континента читается как одна сплошная война, а мирные перерывы рассматриваются лишь как этапы для ее продолжения. Жорж Клемансо (1841–1929) исторг на смертном одре непримиримые слова по отношению к немцам: «...пусть меня похоронят стоя – лицом к Германии».

На Версальской мирной конференции, где он был председателем, французский премьер-министр способствовал принятию жестких условий для Германии.

С 2006 г. школьники старших классов в ФРГ и Франции учатся по общему германо-французскому учебнику истории. Сотрудничество двух стран определено до 2020 г. в виде принятой в 2010 г. программы, состоящей из 80 пунктов. Даже если не все поставленные задачи будут выполнены, обращают на себя внимание масштабность и перспективы договоренностей.

Не обошлось и без сбоев на этом пути. К ним относятся провалы Конституции ЕС на референдумах во Франции и Нидерландах. Переработанный текст был также отвергнут населением Ирландии. Потребовались экстраординарные внешние и внутренние усилия, чтобы он был одобрен там со второго захода. Новый конституционный документ известен как Лиссабонский договор. Следует заметить, что если бы первоначальная конституция, а затем ее переделанная версия были повсеместно представлены на всенародное, а не парламентское голосование, то было бы трудно предсказать его исход. Свой евроскепсис определенная часть жителей ЕС выражает в словах – люблю Европу, ненавижу Евросоюз. Как бы то ни было, кризис в принятии основополагающего документа был преодолен, и нынешняя система управления приобрела рутинный, но отнюдь не беспроблемный характер.

Изначальная сложность интеграции состоит в том, что государство выступает в одном лице как субъект и как объект этого процесса. Чтобы интеграция продвигалась, действие государства должно быть сильнее его же противодействия, что означает добровольный и часто болезненный отказ от святого святых – власти и прерогатив власти в ряде сфер. Креативное саморазрушение государства в пользу интеграции имеет свои пределы, за которыми государство как стимулятор, или субъект интеграции, наталкивается на неуступчивость его как объекта, или тормоза интеграции.

Широко известно сравнение интеграции с велосипедом. Лучше было бы сравнивать ее с велосипедистом, который, что-

бы не упасть, должен быть постоянно в движении. Концепция велосипеда предполагает исчезновение государства как такового. Но это не так. Не все поддается интеграции, и если с этим согласиться, то она должна где-то остановиться. Здание интеграции строится на демонтаже государственности ее участников, и этот перенос управления из национальных столиц в Брюссель квалифицируется как исторический процесс. Слово «исторический» здесь представляется излишним, ибо история еще не сказала своего окончательного слова и еще неизвестно, что станет в конце-концов с Евросоюзом.

Арифметическое сложение статистических показателей государств ЕС в общую сумму выводит эту организацию на лидирующие позиции в мире. Вместе с тем важной чертой Евросоюза являются существенные различия в «весовых категориях». Германия со своим почти 20-процентным участием в европейском ВВП занимает ведущее место в альянсе, тогда как роль Эстонии, Кипра, Мальты и еще многих стран измеряется десятками долями процента. Вклад Греции, наделавшей так много шума из-за грозившего ей дефолта, составляет 2% (см. табл.).

Как бы то ни было, успехи европейской интеграции 27 государств известны и было бы излишним их перечислять. Отметим только, что создание единой валюты для 16 стран-участниц является венцом этих достижений. Вместе с тем следует обратить внимание на отсутствие положительных результатов в ряде важнейших сфер экономики и политики. Их не так уж и мало, на чем следует остановиться подробнее. При этом нужно сразу подчеркнуть, что нулевой итог здесь не является следствием недоработок или ошибок интеграторов, а отражает невозможность другого исхода. Иначе не могло и не может быть. Это врожденные дефекты интеграции, которые не поддаются устранению.

Государство – субъект и объект интеграции: суть противоречий

Во-первых, речь идет о разрозненной экономической политике. Углубление интеграции привело к частичному сближению

Экономические показатели стран Евросоюза, 2008 г.

Страна	ВВП, млрд долл. США	ВВП, % от европей- ского ВВП	Измене- ние за год, % от ВВП	ВВП на душу населения, долл. США	Госдолг, % от ВВП	Дефицит бюджета, % от ВВП	Инфляция, %	Безрабо- тица, %
Европейский союз	18 493,0	100,0	0,9	30 393	61,5	-2,3	3,7	8,9
Германия	3653,3	19,8	1,3	35 441	65,9	-0,1	2,8	7,7
Франция	2843,1	15,4	0,3	34 208	68,0	-3,4	3,2	9,3
Великобритания	2833,2	15,3	0,7	36 522	52,0	-5,5	3,6	7,2
Италия	2330,0	12,6	-1,0	30 580	105,8	-2,4	3,5	7,4
Испания	1622,5	8,8	1,2	30 620	39,5	-3,8	4,1	18,7
Нидерланды	862,9	4,7	2,1	40 431	58,2	1,0	2,2	3,2
Бельгия	507,1	2,7	1,1	36 235	88,6	-1,2	4,5	8,2
Швеция	502,5	2,7	-0,2	37 245	38,0	2,5	3,3	8,9
Польша	450,6	2,4	5,0	17 481	47,1	-3,9	4,2	8,1
Австрия	418,7	2,3	1,8	39 634	65,2	-0,4	3,2	4,3
Греция	361,6	2,0	2,9	30 534	97,6	-5,0	4,2	8,7
Дания	349,2	1,9	-1,1	37 265	33,3	3,6	3,6	5,7
Ирландия	290,7	1,6	-2,3	42 539	43,2	-7,1	3,1	11,7
Финляндия	273,1	1,5	0,9	36 217	33,4	4,2	3,9	8,1
Португалия	248,9	1,3	0,0	22 189	66,4	-2,6	2,7	9,3
Чехия	211,7	1,1	3,2	25 395	28,8	-1,5	6,3	6,1
Румыния	187,9	1,0	7,1	12 579	13,6	-5,4	7,9	6,2
Венгрия	155,2	0,8	0,5	19 499	73,0	-3,4	6,0	10,2
Словакия	88,9	0,5	3,5	22 040	27,6	-2,2	3,9	11,1
Люксембург	57,0	0,3	-0,9	82 306	14,7	2,6	4,1	6,4
Словения	53,3	0,3	3,5	29 472	22,8	-0,9	5,5	5,9
Болгария	49,3	0,3	6,0	12 340	14,1	1,5	12,0	6,5
Литва	48,1	0,3	3,0	18 945	15,6	-3,2	11,1	14,3
Латвия	35,8	0,2	-4,6	17 071	19,5	-4,0	15,3	16,3
Эстония	25,4	0,1	-3,6	20 259	4,8	-3,0	10,6	15,6
Кипр	24,5	0,1	3,7	29 829	49,1	0,9	4,4	5,3
Мальта	8,4	0,1	2,7	23 760	64,1	-4,7	4,7	7,1

Источник: http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Economy_of_the_European_Union&oldid=300450684

национальных подходов, к единой валюте и валютной политике. На этом углубление закончилось или, если соблюдать осторожность, почти закончилось. Оно объективно не могло продолжаться, так как отказ, скажем, от суверенной бюджетной и налоговой политики лишил бы страны-участницы их государственного статуса. А с этим никто в Евросоюзе не согласен. Здесь бесспорный приоритет отдается национальному фактору, национальной идентификации, а не интеграционному объединению. Дальнейшему прогрессу в ликвидации государственности поставлен заслон. Ни немцы, ни поляки, никто другой из членов Евросоюза не готовы отдать свои права на государственное самоуправление. Нет такой силы, которая принудила бы страны вый-

ти на общую дорожку, каждая идет своим путем. И совсем не обязательно это связано с негативными последствиями для отдельно взятых членов ЕС. Например, Ирландия установила у себя льготные налоги, своего рода налоговый демпинг, и, одновременно ссылаясь на бюджетный дефицит, вытребовала максимум финансовых поступлений из фондов Евросоюза.

Финансовые события, связанные с Грецией и некоторыми другими членами ЕС, показали неадекватность проводимой интеграционной политики требованиям устойчивого развития. Вопрос сегодня стоит так. Или сохранять статус-кво и считаться при этом с выпадением той или иной страны из еврозоны, или следует многое менять с целью усилить координацию нацио-

нальных действий и поднять коэффициент сплочения.

И та, и другая задача не решается просто. В первом случае будет нанесен колоссальный ущерб как всему делу интеграции, так и государствам-изгоям. Интеграция потеряет свою притягательную силу и внесет разобщенность в благородное семейство интеграторов. Ведь что значит для страны вернуться от евро к национальной валюте, скажем к драме? Для этого стране потребуются несколько лет подготовки и перенастройки всей денежной системы. Сам процесс выхода из еврозоны будет способствовать продолжению кризисных явлений, т. е. результат был бы противоположный тому, которого хотели избежать. Непредсказуемы внутривнутриполитические последствия отлучения страны.

Воспользоваться ситуацией в своих целях и получить прирост голосов на общенациональных выборах могли бы ультраправые силы. Такие опасения достаточно сильны в Евросоюзе. Нечто подобное уже имело место в Австрии, когда почти весь 2000-й год страна находилась в состоянии политического карантина, объявленного ей остальными 14 участниками ЕС. Причиной явилось создание правительственной коалиции Австрийской народной партии с националистической Австрийской партией свободы, которую тогда возглавлял Й. Хайдер, формально вскоре ушедший в отставку. Санкции к Австрии принимались на уровне двусторонних отношений – частичный бойкот дипломатических представителей, отказ в поддержке австрийских кандидатов на занятие постов в органах союза, сокращенная подача информации. Тогда был демонстративно преподан урок не только Австрии, но и другим странам, где сильны националистические движения. Евросоюз показал свою нетерпимость к ультра, представляющим опасность для демократии. Поэтому маловероятно, чтобы участники Евросоюза не учитывали риска прихода к власти нежелательных сил в случае исключения страны из интеграционного сообщества.

Остается другое направление – еще больше сплотиться – термин, знакомый нам из недавнего собственного прошлого.

Кризис и проблемы интеграции

Мировой финансовый кризис принес интеграторам разного рода разочарования. Как раньше считалось, разноскоростная Европа поможет продвинуть интеграцию вперед за счет того, что более передовые в экономическом отношении страны, взяв на себя лидерство, не дадут остановиться интеграционному развитию. Но получилось так, что кризис неожиданно постучался также в верхний этаж ЕС, в еврозону, создание которой представлялось как бесспорное достижение Европы. В соответствии с законом диалектики, сплоченность может перейти в свою противоположность.

В ходе европейских дебатов о кризисе не было недостатка в разных предложениях. Можно выделить две идеи. Первая выразилась в термине «экономическое правительство». Авторство приписывают французскому президенту Саркози. Однако дальше дело не пошло. Более того, последовала критика термина, поскольку он предполагает потерю самостоятельности национальной политики в ряде областей – бюджетной, кредитной, налоговой и других, чему противятся многие участники ЕС. Кто стал бы контролировать экономическое правительство? Такой вопрос задают эксперты и не получают от французов ответа. Ни Европейская комиссия, ни Европарламент не приспособлены для такого управления. Можно сказать, что эта идея возникла в отчаянном поиске антикризисных средств и, скорее всего, забудется.

Другое предложение, о создании Европейского валютного фонда, трансформировалось в учреждение Стабилизационного фонда, где треть всех средств принадлежит Международному валютному фонду. Интересно, что первоначально многие деятели (например, министр финансов ФРГ Шойбле) выступали вообще против участия МВФ в кампании по спасению Греции. Аргумент – в МВФ доминируют американцы (15,85% в уставном капитале), и они выдвинут свои требования не только к Греции, но и ко всему ЕС, установят свое наблюдение над ним изнутри, избавиться от которого скоро вряд ли удастся. Именно в МВФ было озвучено для пробы пред-

ложение о целесообразности повышения допустимого уровня инфляции с 2 до 4%, что встретило резкое неприятие в ЕС. Идею 4-процентной инфляции поддерживает сторонник президента Обамы лауреат Нобелевской премии Пол Кругман, которого в Европе квалифицируют как придворного экономиста. Функции Стабфонда должны лежать в двух плоскостях – гибкое кредитование и строгий надзор над странами-членами с целью недопущения катаклизмов путем заблаговременного распознавания экономических неприятностей.

Однако, как показывает опыт, именно заблаговременное распознавание еще не удавалось никому, будь то отдельное национальное хозяйство или международная экономическая организация. Даже такой блюститель порядка, как Германия, за свои 60 лет существования 6 раз испытала падение производства ниже нуля, последний раз в 2009 г., когда ВВП сократился на 5%. Были нарушены ею и такие нормативы Евросоюза, как дефицит бюджета и размеры госдолга. Почему Стабфонд должен отличаться в плане прогнозирования в лучшую сторону?

Порассуждаем теперь от противного. Представим, что все только что изложенное неверно и что странам удалось договориться о едином экономическом управлении, отдав Брюсселю все свои права. Но и в этом случае не приходится ожидать гармонии. Даст о себе знать такая извечная черта мировой экономики, как неравномерность развития. Эта неравномерность настолько явно выражена, что ее следует признать экономическим законом. В свое время из такой неравномерности В. Ленин делал вывод об отпадении от мирового капитализма слабых звеньев, что в конечном счете не подтвердилось. Подтвердилось другое: неравномерность не убивает капитализм, а вводит в действие такой мощный резерв системы, как государственное регулирование с целью «наведения порядка».

Конкуренция в Общем рынке и единая валюта способствуют некоторому выравниванию цен на товары, но не выравниванию производительности труда. Отсюда вытекает, что за один и тот же товар страны получают разную выгоду, т. е. вы-

игрывает та страна, где производительность труда выше. Тем самым увеличивается экономический разрыв между участниками ЕС. Конечно, можно найти примеры, где такой разрыв сокращается, но это совсем не обязательно для всех 27 стран с их кардинальными расхождениями по уровню развития. Данное противоречие решается в отдельно взятых странах, чьи регионы тоже различаются друг от друга по важнейшим показателям, путем перераспределения денег от богатых регионов в бедные, от доноров к реципиентам, что мы видим на примере собственной страны. В рамках Евросоюза это тоже практикуется, но, понятно, не в таких масштабах. Ограничителем здесь выступают государственные интересы стран-доноров.

Несмотря на все усилия и более высокий уровень обобществления производства, правительство не может привести в нужное соответствие части страны, выровнять их. В ней всегда есть процветающие и депрессивные края, демографически сильные и слабые территории (юг и север Италии, старые и новые земли Германии и расслоение среди старых земель). Даже если какие-то изъяны и устраняются с помощью правительственной политики, то возникают очередные проблемы и хозяйство начинает хромать по-новому. Тем более не могут быть гармонизированы части мира, локальные объединения, в данном случае Евросоюза, при любом их сплочении, которое всегда ниже, чем в отдельно взятой стране.

Отсюда следует важная истина. Кризис евро – это не какое-то случайное событие, не несчастный случай, а неизбежность, закономерное отражение неоднородности экономической материи, которая (неоднородность) была и есть, будь это межстрановая интеграционная территория или народное хозяйство. Призывы западных деятелей усилить экономическую координацию, учредить некий экономический кабинет даже в случае их реализации могут поменять лишь форму и периодичность кризисов, но не отменить их.

Может показаться, что создание европейского Стабилизационного фонда с его триллионом долларов есть то исцеляющее средство, которого не хватало для очеред-

ного успеха. Действительно, сумма немалая, в этом сила, но и слабость фонда. Чем больше размер, тем меньше шансов на то, что «здоровые» государства согласятся на постоянной основе тратить свои средства на поддержку проблемных стран. Например, Германия, крупнейшая держава континента, не видит себя в этом качестве. А если ее правительство будет действовать иначе, в интересах Европы, то свои коррективы внесут немецкие избиратели, не желающие финансировать всех подряд.

Утешением для европейцев может послужить то, что колебание евро не будет постоянным. Очередную кризисную вспышку зальют деньгами, экономическая жизнь войдет в привычное русло, пока не последует новое потрясение. Регулировать экономику – это все равно, что греться у костра. Как ни поворачивайся, одной стороне фигуры будет жарко, другой холодно. «Чтобы кризисы не повторялись, – пишут известные немецкие деятели Пеер Штайнбрюк и Франк-Вальтер Штайнмайер, – нам нужна долгосрочная действенная программа мер по более строгому регулированию финансовых рынков». Чтобы кризисы не повторялись – звучит наивно. В том то и дело, что кризисы – это рыночные перегибы, повторению которых невозможно воспрепятствовать, это – нерациональная рациональность рыночного хозяйства, и никакой контроль не устранил ее. Есть, конечно, альтернатива, это – национализация по-социалистически, но тогда придется считаться с общим понижением эффективности хозяйствования, на что западные страны не могут пойти из-за соображений конкурентоспособности.

Региональные аспекты интеграции

Второй вопрос, который не смог решить Евросоюз, – это территориальные разногласия внутри и вне его. Сюда относятся Гибралтар, разделенный Кипр, Фолклендские острова и другие. «Нам не нужен второй Кипр» – высказала свое мнение Ангела Меркель по поводу возможного в перспективе вступления Косова в Евросоюз. В этих словах чувствуется неудовлетворенность существующим положением вещей в

ЕС относительно территориального размежевания.

Членство в ЕС не снимает приоритета индивидуальных государственных интересов стран перед коллективными интересами участников интеграции и перед их обязательствами внутри альянса. Государственный эгоизм не устраним, он стоит выше норм сообщества, он – «über alles»*. Это проявляется во многом, но с наибольшей силой – в территориальных спорах.

Третья несостоятельность Евросоюза заключается в том, что на его пространстве сохраняются национальные антагонизмы центробежного характера. Бельгия находится на грани распада. Если Фландрия и Валлония готовы пожертвовать единством нынешней страны, то при гипотетическом коллапсе Бельгии они в той же мере будут мало озабочены укреплением Евросоюза. Перечень можно продолжить – Страна Басков, Северная Ирландия, Каталония...

А тут еще возрастает опасность для Евросоюза с неожиданного направления, а именно от притока иммигрантов со всего мира. Без них европейские страны не могут обеспечить себе необходимую экономическую динамику, а, с другой стороны, увеличение доли эмигрантов в численности жителей приведет в перспективе к перманентным беспорядкам, ухудшению самочувствия титульного населения и, в конечном счете, к потере самобытности и крушению Европы.

Четвертой нерешаемой задачей является неспособность Европы стать самостоятельным военным союзом. Основную ответственность за оборону и нападение несут США в рамках НАТО и вне этой организации, и такой порядок вполне устраивает их европейских союзников. Само существование Североатлантического блока не способствует, а, скорее, противодействует интеграционному процессу, поскольку важнейшая функция любого государства, оборона, находится под неевропейским контролем. НАТО – это «нога в двери» интеграции. В то же время без США интегрированные страны в силу их неоднородности, разных параметров и предпочтений объективно не

* Превыше всего (ред.).

в состоянии быть в военном отношении на уровне XXI в. По словам Збигнева Бжезинского, в политике безопасности Европа остается протекторатом США. В Европе нет такого военного лидера, который мог бы сплотить вокруг себя остальные страны континента.

Германия, крупнейшая страна Европы, не примеривается к этой роли. Более того, у некоторых европейских деятелей появились сомнения относительно стратегической цели этой страны. Они задаются такими вопросами: а не вернется ли она к повторению своего исторического опыта быть «себе на уме», не склонна ли она пренебречь европейскими интересами в пользу собственных, не начнет ли она прокладывать свой одиночный курс, образуя нечто вроде коалиции то с Евросоюзом, то с Россией, а может и еще с кем-нибудь? Заслуженный европеец Жак Делор, в 1985–1995 гг. президент Европейской комиссии, в вежливых формулировках обратился в своем интервью к немецким читателям с таким пожеланием: хорошо бы знать, является ли сегодня Европа для правящей элиты Германии все еще такой же важной, как раньше для Аденауэра, Шмидта и Коля. То, что ФРГ доминирует в Европе, даже не обсуждается. Не захочет ли она чего-то большего?

Призывы некоторых деятелей (Эгон Бар) создать европейскую армию как средство «европеизации Европы» не имеют под собой серьезных оснований.

Перечисленные неинтеграционные и антиинтеграционные факторы ставят пределы, казалось бы, безальтернативному сближению стран, их растворению в общем пространстве, объединению национальных кварталов без всяких перегородок. Надгосударственные институты в интегрированной Европе не означают отмирание государства как такового, а отражают лишь другие формы его существования. А раз так, то сохраняются все предпосылки коллизий и конфликтов.

Межстрановые объединения, федерация, конфедерация или что-то другое, имеют интересное свойство. При вступлении в них участники подчеркивают общую пользу, а после вступления стремятся к односторонним выгодам. Кризис зоны евро показал, что прежние национальные пред-

рассудки и антипатии никуда не исчезли, они ждали своего часа. Это не война всех против всех, но и не территория всеобщего взаимопонимания. Франция при широкой поддержке выдвинула маловразумительное обвинение Германии в нелояльной конкуренции, выразившейся в большом внешнеторговом сальдо, что, как считается, отнимает у других стран шансы на собственный прогресс. Германия – это, мол, «маленький Китай», не признающий ничего, кроме своих эгоистических интересов. Она же – *Trittbrettfahrer*^{*}, который хочет прокатиться на дармовщину. И это при том, что из многомиллиардной помощи для Греции в Германию не вернется «ни цента» (по выражению журнала «Виртшафтсwoche»). Об антигреческих заявлениях и говорить нечего. Под подозрение в несостоятельности попал весь юг Европы плюс Ирландия и т. д. В противоречии с реальностью оказался сам Устав Евросоюза. Статья 125-я гласит, что каждая страна самостоятельно выполняет свои обязательства, без передачи этой прерогативы другой стране или другим странам. Деятели ЕС такого противоречия не усматривают, указывая на то, что помощь Греции и другим оказывается в форме кредитов и гарантий, а не прямого перечисления средств. А что тогда значит «ни цента назад»?

Следующий отсюда общий вывод вряд ли может кого-нибудь порадовать, Россию в том числе. Если раньше успехи интеграции породили надежду на то, что ее участникам удастся силой интеллекта и доброй воли создать некое благоразумное устройство на своей территории, что они смогут избавиться от наследия неблагоприятного прошлого, то сегодня приходится, к сожалению, расстаться с такой надеждой. Это – тяжелое прозрение не только для Европы, где в интеграции видели великий шанс преобразования общественной жизни, но и для остального мира, в котором еще не развеялись эти иллюзии.

Не выигрывает Россия от гипотетического коллапса Евросоюза и в политическом плане, когда наши отношения с европейскими странами невольно вернулись бы

* Едущий на подножке (*ред.*).

к двустороннему характеру. У Запада есть двойная страховка от несанкционированных «прыжков в сторону» отдельных стран, или, если выразаться дипломатично, чтобы не допустить их самостоятельного курса во внешней политике. Это – Евросоюз и НАТО. При распаде ЕС на составляющие усилятся дисциплинирующие меры из натовской штаб-квартиры. Преобладание США в Европе стало бы абсолютным.

Как представляется, до полного развала Евросоюза дело все-таки не дойдет, но между интеграцией и дезинтеграцией будет отныне существовать подвижный дисбаланс. В XX в. закончился крахом великий эксперимент по строительству коммунизма, а сегодняшняя реальность оказывается намного сложнее задуманного европейского интеграционного проекта.

Российские интересы

В своей политике Россия должна учитывать все факторы европейской интеграции, стабилизирующие и дестабилизирующие.

Среди экспертов преобладает мнение, что причиной коллизий по разным поводам между Евросоюзом и Россией служит отсутствие общей стратегии. Считается, что как только будет найдено общее русло, положение нормализуется на долгую перспективу. С такими рассуждениями, в принципе, можно согласиться как с общетеоретической истиной. В конкретном же плане возникает вопрос: почему до сих пор такая стратегия не выработана, ведь над ней бьются многочисленные европейские и российские деятели? Этому факту можно дать такое объяснение, которое, конечно, потребует доказательств. Его суть: поиски общей судьбы ЕС и России – напрасное занятие. Ее нельзя придумать, потому что для нее нет реальной опоры. Здесь нужно сделать оговорку. Стратегия как целенаправленное действие присутствует в любом деле – она есть и у пахаря, идущего за плугом, и у правительств, подписывающих межгосударственные договоры.

В нашем случае речь идет о такой единой линии, в которой сходились бы линии жизни обоих партнеров, совпадали бы их решающие *интересы, ценности, приорите-*

ты и цели. А вот такой квадриги как раз и нет, чего-то обязательно не хватает. Дело в том, что Евросоюзу и России грозят разные опасности, и они будут набирать силу. Это побуждает каждого партнера часто действовать без оглядки друг на друга и делает невозможным создание прочной совместной платформы.

Для ЕС кардинальным противоречием выступает, с одной стороны, стремление членов сообщества сохранить свою государственную и национальную идентичность, а с другой – необходимость отказа от многих элементов государственного суверенитета. Переход властных функций от национальных к наднациональным органам, означая прогресс интеграции, в то же время снижает индивидуальную динамику ее участников, увеличивает бюрократию и неуправляемость процессов. Фигурально выражаясь, ледокол интеграции залезает в непроходимые льды. Управление собственными проблемами, которых, как минимум, не становится меньше, – главная забота ЕС надолго вперед. Чем больше стран поглощает интеграция, тем сложнее дается согласование позиций ее членов, а отдельно взятый участник все менее может назвать себя классическим государством.

Не останавливаясь здесь на вопросе выживаемости ЕС, а сомнения в его прочности бытуют, обратим внимание на его ярко выраженный эгоцентризм. Отгородившись в эпоху глобализации от остального мира, ЕС практикует регионализм в чистом виде, навязывая партнерам вне альянса свои условия общения, нередко с помощью круговой поруки и массивного нажима. На этом порой строится все интеграционное искусство альянса.

Следовательно, выбрав интеграцию как магистраль движения, Евросоюз разделит страны на своих и чужих. Ко второй группе относится и Россия. Это его выбор, и что бы ни делала Россия, этот статус ей не изменить. Ее уступки Западу на манер недавних 90-х годов, когда ему был отдан приоритет общения, никаких ответных льгот не принесут. Напротив, страна, как и тогда, лишь потеряет лицо.

Децентрализации, происходящей в каждой отдельно взятой стране Евросоюза, про-

тивостоит отстраивание вертикали власти в России, которая присуща (должна быть присуща) нашему государству с его огромными пространствами и неравномерностью их освоения, независимо от конкретного правящего режима или его руководителя. Ясно, что при таких обстоятельствах бесшовного смыкания обоих субъектов, ЕС и РФ, не получится и получиться не может.

Другая нарастающая угроза для европейского альянса, наряду с отмеченным интеграционным дерегулированием, выражается в иммиграционном факторе, о чем уже говорилось. Отказаться от притока мигрантов из стран, не входящих ЕС, он не может. Решающую роль играют здесь экономические мотивы. При сокращении собственного населения Евросоюз вынужден полагаться на иностранные рабочие руки. Тем самым поддерживаются объемы производства. Но за свое благополучие эта европейская половина «золотого миллиарда» платит высокую цену: падает доля титульных наций с непоправимо плохими последствиями для них самих. Предвестниками будущих потрясений на межнациональной и межрелигиозной почве являются локальные беспорядки во Франции, взаимное недовольство «разных народов» в Нидерландах. Сегодня многие европейские деятели называют ошибкой привлечение гастарбайтеров. Но если ошибка повторяется изо дня в день, из года в год, то это больше чем ошибка. Это необходимость.

В начале 2008 г. Германию посетил премьер-министр Турции Эрдоган. Во время визита он выступил перед соотечественниками в Кельне. Многие из того, что он сказал, не понравилось общественности и политикам ФРГ. Имея в виду турецких гастарбайтеров, он заявил: «Более 40 лет мы вносим вклад в экономическое развитие Германии», а потому нужно создать здесь турецкий университет, турецкие школы, выбирать обер-бургомистров турецкого происхождения и турецких депутатов в бундестаг и Европарламент. Одновременно он назвал нежелательным ассимиляцию своих сограждан: «ассимиляция – это преступление перед человечеством».

Если еще недавно рассуждения о падении Европы могли считаться некоторой

экзотикой, то сегодня они воспринимаются всерьез, хотя, может быть, и с внутренним протестом. Герхард Шредер, бывший германский канцлер, написал после отставки интересные мемуары. Там он выразил такое мнение: «...в европейской политике до сих пор ничего не решено окончательно и бесповоротно».

А причем тут мигранты, если речь идет об отношениях ЕС и России? – можно спросить. А при том, что чем дальше, тем больше 27-страновая Европа будет заниматься усмирением нетитульного элемента, прибегая ко всему спектру мер. Боязнь быть взорванным изнутри заставит ЕС в большей степени, чем сегодня, вариться в собственном котле противоречий, усилит его инвертированность.

Названные оба вектора движения объединенной Европы (ослабление государственности в странах-членах и рост мощи миграционного фактора) проходят мимо России, оставляя ей место наблюдателя, а не участника развивающихся там антагонизмов. Это – констатация факта, не требующая оценки, хорошо это или плохо.

Риски и шансы для России

Стратегия экономического развития страны содержит много составляющих. К числу важнейших вопросов относится установление оптимального соотношения внутренних и внешних факторов. Здесь должен действовать принцип: внутренние стимулы – сколько возможно, внешние – сколько необходимо. Перемещение центра тяжести в сторону трансграничных связей ведет к недоиспользованию собственных возможностей и замедлению прироста национального богатства. Если главная цель военной теории состоит в том, чтобы вести войну на чужой территории, оберегая свою от разрушений, то экономическая целесообразность должна предполагать приоритетное обустройство своей страны, это единственная цель, самоцель, в то время как внешнеэкономическая деятельность служит подчиненным средством. В первую очередь нужно развивать и множить то, что не может быть вывезено за границу, т. е. производительные мощности, производ-

ственную и социальную инфраструктуру – образование, здравоохранение, науку, дороги и др. Все это служит общенациональным интересам, пусть не всегда в полной мере, однако несопоставимо больше, чем вывоз за рубеж капитала, товаров, утечка рабочей силы, квалифицированной и неквалифицированной.

Контраргумент может состоять в том, что зарабатываемая путем экспорта валюта используется для внутреннего развития. С этим надо согласиться, но лишь для того, чтобы пролить свет на другую истину. Внешняя польза поступает, если вообще поступает, в страну опосредованно, и совсем не обязательно иностранная валюта созидательно обогащает страну. У частных собственников свои представления о смысле хозяйствования, и они не всегда связаны с общегосударственными заботами. Зачем российской компании строить, условно говоря, ради валюты железную дорогу в аравийских песках, если она сама страдает от бездорожья. Соблазнов в мировой экономике так много, что очередь возводить дороги дойдет до России не скоро.

Фетиш зарабатывания валюты, этот оживший вдруг меркантилизм, мешает подъему народного хозяйства, научно-техническому прогрессу, поскольку глушит внутренние источники финансирования, препятствует импортозамещению. Импорт – это не священная корова, даже если он означает поступление в страну мировых научно-технических новинок, а вызов для собственной экономики, которая не может не ставить перед собой задачи удержания его в определенных пределах или даже его преодоления.

Изложенный подход можно считать универсальным, отражающим воззрения любой страны, но арифметические пропорции между ввозом и вывозом могут быть разные. Чем благоустроеннее страна, тем больше она может позволить себе занимать внешним фактором, хотя и там не прекращаются дискуссии по этому поводу. Даже для ФРГ, как считает профессор Бременского университета Аксель Зелль, более оправдано преимущественное финансирование неэкспортных отраслей в отличие от предприятий, оперирующих по все-

му миру в поисках собственной, а не общенациональной выгоды. Еще более актуален данный вопрос для России. Это во-первых.

Во-вторых, геополитические соображения играют большую роль во внешних связях. Здесь не могут учитываться только коммерческие, денежные аспекты. На кону стоят государственные интересы.

Как и в Европейском союзе, у России имеются основания для озабоченности по поводу собственного развития. Здесь следует назвать прежде всего депопуляцию, не поддающуюся никаким средствам воздействия. Хотя налицо определенная аналогия с большинством стран ЕС, этот процесс таит для России потенциальную опасность территориального передела. Если в ЕС демографическая проблема ведет, в конечном счете, к разрыву изнутри, то для России опасность может нагрянуть извне. Имеется в виду Сибирь и Дальний Восток, а это 2/3 территории страны.

Коллапс Советского Союза побуждает еще к одному заключению – неправильное решение или нерешение национального вопроса обязательно проявит себя в разрушительной форме. Для России, как и для СССР, такое неправильное решение – в этнической основе построения государства. В ЕС тоже есть подобные примеры, но они единичны. А в составе России 21 этническая республика. Кроме того, в ЕС распад государства на национальные составляющие смягчается тем, что новообразованные субъекты либо остаются в общей внешней среде, т. е. в ЕС, либо могут быть туда приняты. Такой развод нельзя назвать полным. В Советском Союзе все произошло иначе, что должно послужить для нас актуальным уроком. Государственная многоэтничность России неизбежно содержит в себе заряд сепаратизма, и от Запада вряд ли стоит ожидать чего-то другого, чем поощрения этих центробежных устремлений. Когда речь идет о России, то Запад, и ЕС в том числе, отдает предпочтение принципу самоопределения наций перед правом государства на территориальную целостность.

Итак, у ЕС и России существуют свои, не совпадающие страхи за будущее, свои кошмары, и сомнительно, чтобы партнеры в *главных, внутрисистемных* вопросах мог-

ли подставить плечо друг другу. ЕС и Россия живут на разных берегах, а они, как известно, не сходятся. Это – лейтмотив наших рассуждений.

Но ведь нельзя отрицать огромную взаимозависимость и взаимозаинтересованность ЕС и России в других сферах – нефть, газ, наукоемкие товары, экология, климат, военная безопасность, культура, туризм. Христианство тоже. (Правда, стоит напомнить, что упоминание о христианстве как религиозной общности народов Европы было удалено из подготовленного международной комиссией проекта Конституции ЕС, впоследствии замененной суррогатом в виде Лиссабонского договора.)

Это не только нельзя отрицать, но надо всячески пропагандировать, культивировать и лелеять, чтобы в какой-то мере компенсировать нестыкуемость в органических вопросах. Жить-то надо. Вот здесь и должна сказать свое слово политика. Наведение мостов между двумя берегами – ее альфа и омега. В силу географических и исторических обстоятельств Европа является для России важным контрагентом, и в определенные отрезки времени в каких-то областях общения ей может отдаваться предпочтение. Однако это отнюдь не непреложное правило на все времена.

России на роду не написано оказывать вечное предпочтение одному континенту, это – не обязательная программа, выполнив которую, можно позволить себе оглядеться вокруг. Не должно быть такого положения, когда отношения с ЕС строятся на приоритетной основе, а с остальным миром – по остаточному принципу. В силу своих геополитических особенностей Россия должна иметь свободу действий во всех направлениях. Восточные просторы России делают ее глобальной, самодостаточной державой, тогда как привязка к любым параллелям и меридианам снижает ее ранг до регионального игрока. Игнорирование этой очевидности и дальше было бы непозволительным промахом государственного уровня.

Напротив, приведение в соответствие внешней политики и периметра национальных границ способствовало бы оздоровлению наших отношений с Европой и внедрению в мировоззрение тамошней эли-

ты реалистических представлений. Под оздоровлением понимается отказ от миссионерской и судейской роли «цивилизованных» стран в отношении «медведя» (английский журнал «Экономист»), причем последнему вчиняется иск за всю его многосложную историю, тогда как белая и пушистая Европа готова отвечать только за успехи интеграции, оставляя за бортом обе мировые войны, исходившие с материка. Бомбардировка Югославии в 1999 г. рассматривается тоже как заслуга европейской демократии. Можно напомнить, что первоначальной идеей отцов-основателей Общего рынка было как раз предотвращение войн в Европе.

Торгово-экономическим сближением это извечно подозрительное отношение к России не переломить. Напротив, такое сближение вызывает тревогу у европейской элиты по поводу так называемой чрезмерной зависимости в области энергоисточников и не содействует гармонизации связей.

Глобальность России

России сослужит службу ее многовекторность. Широкое открытие «окон» в другое зарубежье заставит Европу конкурировать за внимание России к себе. То, что ЕС пока еще не привык к этой мысли, показывает его неодобрительное отношение к строительству российских трубопроводов на Восток. Европа давно свыклась с тем, что вроде бы имеет преимущественные права на поставки наших сырьевых ресурсов. Провозглашая для себя диверсификацию поставщиков, она в то же время возражает против диверсификации потребителей для России. Сложилась парадоксальная ситуация, когда небольшой объем сотрудничества признается обеими сторонами как неиспользование резервов, а увеличение этого объема трактуется как опасная экспансия новой России. Когда мало – плохо, а когда много – еще хуже.

Конечно, было бы упрощением рассматривать Евросоюз как сплоченную колонну со строгой дисциплиной и самодисциплиной. Этого нет. Там возникают новые и не прекращаются стародавние дис-

куссии по разным темам, в том числе и об отношениях с Россией. Кто-то испытывает почти суеверный страх перед ней и не надеется на ее «исправление», другие призывают не толкать ее в объятия Китая, а третьи проповедуют новую фазу восточной политики – сближение путем переплетения (модификация прежнего лозунга – изменение через торговлю), если ограничиться этими нюансами. Тем не менее в общем и целом участники Евросоюза держатся друг друга при выработке позиции относительно России.

В перспективе можно ожидать обострения еще одной грани контактов с Европой. Переход к инновационной экономике, к чему стремится Россия, выведет ее в случае успеха на поле соперничества в традиционных для Европы сферах – машиностроении, информационных технологиях, прикладной науке и др. Потеряет свою актуальность тезис о взаимодополняемости российского народного хозяйства и экономик стран Евросоюза, которая, к сожалению, сводится к закреплению за Россией сырьевой направленности. Тезис, озвучиваемый по непонятной причине в позитивной трактовке некоторыми нашими экспертами. Если сегодня Россию обвиняют в энергетическом засилье и шантаже, то в дальнейшем ей придется считаться с контрмерами по ограничению доступа на рынки наукоемких товаров.

Не становиться на узкую для нашей страны евроцентристскую платформу помогает пример некоторых членов Евросоюза. Так, Великобритания не скрывает сво-

их исторически приоритетных уз с США, а Польша («новая Европа») руководствуется примерно теми же соображениями. Признаем: быть внутри Европы и одновременно не отождествлять себя полностью с ней – для этого нужна определенная политическая смелость, которой не хватает некоторым нашим деятелям.

Развивая экономические отношения с Европой, без обещаний первоочередности, нужно считаться с неровностями на этом пути. Здесь нет ничего страшного. В почитаемом благородном семействе дело доходит до торговых войн, а мелких взаимных претензий и уколов там не перечесать. Международные организации, ВТО или МВФ, тем и занимаются, что сглаживают расхождения между своими участниками. Поэтому разногласия с Евросоюзом – не повод для беспокойства, а тем более для отступления, для сдачи позиций. Антироссийская риторика сочетается в Европе с нежеланием частично потерять Россию как партнера, с боязнью появления у нее известной степени безразличия к европейскому азимуту. А предпосылки для такого уточнения российской позиции создает сама Европа, будь это политическая некорректность в виде надзирающего мониторинга за Россией или экономическая тихиходность Европы по сравнению с другими регионами мира, большими и малыми «тиграми». Глобальность России дает ей неопределимые преимущества в мировом хозяйстве, которые при их реализации будут способствовать ускорению экономического прогресса страны.

Материал поступил 9.09.2010 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.

BSEU Belarus State Economic University. Library.
<http://www.bseu.by> elib@bseu.by